

Культура образа (культурная детерминация образа сознания на примере русской и японской культур)*

В. В. Сидорова

кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета

Описываются методологические, теоретические и эмпирические инновационные подходы к рассмотрению проблем культурной детерминации образа сознания с позиции психологической школы Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии. Вводится ряд новых понятий, среди которых «культура образа», «стратегия построения образа сознания» и др. Описывается эмпирическое исследование культурно-детерминированной организации образа сознания, проведенное на материале русской и японской культур. Выявлена зависимость содержаний, структуры и способов построения образа сознания от национальной принадлежности индивида. Выделены доминирующие в русской и японской культуре стратегии построения образа сознания. Установлено, что русская культура способствует построению образа сознания преимущественно с опорой на чувственно субъективно воспринимаемый мир значений, японская же способствует образному кодированию преимущественно с активным участием предметного мира.

Ключевые слова: культура, сознание, образ, структура образа, культура образа, стратегия построения образа сознания.

Общеизвестно, что дерево психологии как науки начинало свой рост двумя стволами, одним из которых была экспериментальная психология В. Вундта, а вторым — его же культурная психология или «Психология народов» — *Volkerpsychologie*. Объединение этих двух стволов, утверждал В. Вундт, приведет к целостной психологии [6].

В ходе своего исторического развития психологическая наука на разных этапах прибегала к различного рода абстракциям, которые теперь должна учесть и возможно исправить на пути к появлению действительно целостной или универсальной психологии. Среди таких абстракций были: 1) абстракция от детерминаций извне (монадология); 2) абстракция от культурной детерминации (натурализм); 3) абстракция от специфики той или иной культуры. Рассмотрим подробнее.

Во-первых, классическая психология старалась уйти от любых детерминаций извне, стараясь найти чистое сознание. Многие годы западная экспериментальная психология пыталась вычленивать из культуры чистые психические функции, максимально абстрагировавшись от культурных и инди-

видуальных вариативностей. Однако попытка исследовать чистое сознание превратилась в исследование одной из конфигураций сознания. Отечественная культурно-историческая психология в лице Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева отказалась от этого подхода и поставила себе задачей изучение сознания внутри деятельного контекста, внутри контекста жизни [7; 8; 21].

Однако сама культурно-историческая психология впала в другую абстракцию, игнорируя содержание конкретной культуры и исследуя культуру «вообще». Знаки, орудия понимались как атрибуты культуры, какой — не важно. Это можно было бы назвать второй абстракцией. Несмотря на весь пафос культурно-исторической концепции и признания важности культуры последователями Л. С. Выготского и А. Р. Лурии, не проводились исследования каких-либо конкретных культур, а если и проводились, как во время экспедиции А. Р. Лурии в Узбекистан (1934) [25], то исследовались те же общие закономерности взаимодействия сознания и культуры вообще, а не конкретно узбекского способа мышления и т. д. Эксперименты по формирова-

* Автор благодарит доктора психологических наук Ф. Е. Василюка за большую методологическую и теоретическую помощь в работе над статьей.

нию интериоризованных объектов и особенностей высших психических функций также проводились на намеренно очищенном стимульном материале — геометрические фигуры, цвета и т. д. (например, методика Л. С. Выготского—Л. С. Сахарова, 1927) [38].

Третья абстракция проявилась в том, что в психологической традиции все говорили о человеке вообще, но при этом имели в виду нормального, психически здорового, взрослого человека европейской культуры — носителя среднестатистического европейского стандарта. Подавляющее большинство социально-психологических исследований (90 %) проведено в регионах Европы и Северной Америки [44; 45; 46; 47], численность населения которых составляет менее 7 % человечества [19].

Современное общепсихологическое знание стоит перед задачей «инкрустировать» конкретную культуру обратно в систему общепсихологического подхода; и вместе с тем общей психологии необходимо для этого расширяться настолько, чтобы быть способной предложить теории, схемы и понятия, *способные описать полимодальность сознания на поликультурной основе*. То есть быть способной описывать сложноорганизованное строение сознания, сформированного в данной конкретной культуре. Прежде чем сформулировать подобные понятия, необходимо сначала вспомнить о существующих в психологии и смежных областях знаний подходах к изучению и пониманию «сознания» и «культуры» с акцентом на то, какие единицы анализа этих двух понятий выделялись различными научными направлениями. Формат данной статьи не позволит провести подробный анализ, поэтому ограничимся лишь кратким названием.

В психологии выделяется **два основных методологических подхода к анализу сознания**: структурный и процессуальный. В рамках структурного подхода различаются два аспекта и, соответственно, два типа исследовательских программ. Главной задачей одной из них был поиск *базовых элементов сознания*, в качестве которых на разных этапах развития представлений о сознании выступали: «простые идеи» (Дж. Локк); «ощущения, представления, идеи» (В. Вундт); «простейшие чувствования» (Э. Титченер); «значения» (Л. С. Выготский) и др. Другой аспект структурного подхода выделяет *уровни сознания* (З. Фрейд, К. Уилбер) [36]. Процессуальный подход также существует в двух версиях. Первая из них рассматривает сознание как поток содержаний и состояний (У. Джеймс) [12]. Вторая рассматривает процесс сознания как внутреннюю активность, внутреннюю деятельность. Каждый из этих подходов продолжает развиваться, с одной стороны, усложняя и детализируя способ анализа единиц, с другой стороны, обогащаясь знаниями других подходов.

В современных исследованиях сознания (Г. Хант, 2004 [39]; Б. Баарс, 2000) доминирует тенденция к холистическому подходу, который сочетает в себе

структурный и процессуальный подходы. Сознание понимается в максимально широком смысле, в то же время отвергается традиционное членение психологических исследований по отдельным психическим функциям (психология мышления, восприятие, эмоции и т. д.). Ведь в сознании конкретного человека реально мы сталкиваемся с «кентаврами» — полумыслями, получувствами, полу-образами, да еще локализованными в теле.

Такой подход соединяет в себе знание и методы различных дисциплин психологического и непсихологического цикла: нейрофизиологические исследования сознания («теория межмодальных трансляций» — Н. Гешвинд [9], Г. Гарднер [39], К. Прибрам [33], психосемиотические и нарративные исследования — Д. Лакофф, М. Джонсон [42] и др., исследования измененных состояний сознания — С. Крипнер [41], С. Гроф [11] и др., исследования сознания через искусство — Р. Тайлор, Дж. А. Гоген [40] и др.; изучение сознания в психотерапевтических школах — А. Минделл [29], интермодальная терапия искусствами [43], и уделяет особое внимание образным основам сознания и полимодальности сознания — Г. Хант [39] и др.

В отечественной психологии Л. С. Выготский развивал идеи системного и смыслового строения сознания в русле культурно-исторического подхода; психическое понималось как сложноорганизованная незамкнутая система, открытая во внешний мир, опосредованная культурными орудиями и знаками. Значение было той единицей сознания, в которой лучше всего отражается зона культуры, но, во-первых, как уже говорилось, значение исследовалось как внеконкретно культурное, а, с другой стороны, при акценте только на значение выпадали другие измерения сознания — личностные, аффективные, телесные и их взаимосвязи. Последователи Л. С. Выготского (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко и др.) переориентировались на проблематику психологического анализа деятельности и психологии действия. В свою очередь, их последователи возвращаются к теме сознания и, в частности, пытаются решить проблему строения сознания (В. П. Зинченко, В. Ф. Петренко, А. А. Пузырей, Ф. Е. Василюк и др.). Дальнейшие поиски единицы сознания, которая смогла бы сочетать в себе идеал научной строгости и идеал культурной валидности и при этом отражала бы в себе свойства всего сознания, в отечественной психологии приводят к выделению в качестве такой единицы — *образ сознания* (В. П. Зинченко [14], С. Д. Смирнов [34] и др.).

Если сознание — это прежде всего психическое отражение внешнего мира (предметного, понятийного) и мира внутреннего (мира чувств, телесных ощущений, мыслей, самосознания), то любой конкретный *образ сознания* — это единица, молекула психического отражения. Пользуясь метафорой потока сознания, единицей сознания будет один конкретный образ сознания на срезе этого потока. Хотя понятно, что остановка может быть только условной. «По-

движная плазма» [4] каждого конкретного образа сознания перетекает и тяготеет к невероятно сложной организованности.

Возвратимся к предмету нашего исследования, а именно к психологическим аспектам взаимосвязи сознания и культуры. Так же как сознание есть отражение мира, «мир представляет собой бесконечное метафорическое отображение сознания» [12], зона культуры же представляет поле создания метафор и способов манипулирования ими. «Именно особенности географического положения страны, климатические условия, особенности природы, привычного быта становятся своеобразным метафористическим метаязыком, на который переводится реальность» [32]. То есть сознание во многом определяется метаязыком или метатекстом культуры как на уровне единицы, так в структурном и процессуальном аспектах.

Среди попыток «распаковать» культуру можно выделить несколько подходов: *лингвистический* (А. Вежбицкая [5] и др.), *семиотический* (Р. Барт [2], Д. Лакофф, М. Джонсон [42] и др.), *мифологический* (К. Леви-Стросс [20], А. Ф. Лосев [24]), *символический* (М. Мамардашвили [27] и др.), *психологический* (Л. С. Выготский [7], М. Коул [17] и др.) и др. Все описанные подходы так или иначе пытаются вычленить элементарную единицу культуры, кирпичик, по которому можно реконструировать культуру как сложносоставное специфически человеческое образование. Такими единицами анализа может выступать «сем», немного по-разному понимаемый в лингвистике и психосемиотике, «значение» или «образ» в психологических подходах, «миф» — в семиотике Р. Барта [2] и теории К. Леви-Стросса [20] и т. д. По сути, «анатомии» сознания и культуры пресекаются там, где речь идет о культурных орудиях и знаках.

Продолжая логику культурно-исторического подхода, постулирующего изучение сознания через культурные орудия и знаки, мы хотели бы подчеркнуть тот факт, что в различных культурах отличаются не только культурные знаки и орудия, но и способы обращения с ними, формирующиеся с помощью этих же культурных посредников. Внешние проявления культуры: искусство, предметы обихода, ритуалы, обряды, язык, этикет являются набором культурно-специфических средств настройки сознания. Искусство, литература, официальная религия — это канонизированные состояния сознания, интериоризированные культурой средства настройки сознания и обращения со своей психической жизнью. Л. С. Выготский в своей книге «Психология искусства» рассматривал искусство как «общественную технику чувства» [8].

Суммируя все вышесказанное, если воспользоваться метафорой квантово-волнового строения сознания (Г. Хант [39], А. Минделл [29]), то в каждом акте сознания мы можем выделить единицу содержания сознания, опосредованную культурой, и процесс, собственно акт сознания, характер протекания которого также опосредован культурой. В совокуп-

ности этот феномен культурного опосредования содержаний и процессов сознания может быть назван **культурой работы сознания**. Под работой сознания подразумеваем сложноорганизованные цепочки реакций, включающие мышление, ассоциативный процесс, восприятие, ощущения, телесное функционирование, бессознательные процессы, тонкие эстетические переживания и духовно-мистические состояния сознания.

В психологической литературе есть ряд терминов для описания сходной реальности. Вслед за Л. С. Выготским М. Коул говорит о *функциональных системах*, в которые организованы высшие психические функции и которые «формируются в условиях различно построенных общественных практик той или иной культуры» [17]. Еще один термин *культура психической деятельности*, описывающий культурный аспект психического в русле деятельностного и функционального подхода, мы встречаем у Н. В. Абаева (1982) [1]. Наш термин «культура работы» сознания является синтезирующим по отношению к функциональному подходу и предлагает возможность целостного описания жизни сознания-тела, используя в качестве единицы, клеточки рассмотрения, образ сознания.

Если в качестве единицы сознания мы выделили образ сознания, то, соответственно, единицей *культуры работы сознания* предлагаем считать *культуру образа*.

Культура образа — это детерминированный культурой способ построения образа сознания. В генетическом аспекте — это интериоризация способов построения образа, социальное по своей природе образование, осваиваемое и интериоризованное людьми в процессе общения друг с другом. В функциональном аспекте — культура образа проявляется в том, что любые акты сознания (как связанные с построением образа, его преобразованием, ассоциированием с другим образом) строятся в соответствии с паттернами, задаваемыми данной культурой. Под *культурой образа* мы понимаем не только культурно-специфические черты образа сознания (*культура образа сознания*), но и особенности обращения в культуре с визуальным, художественным, литературным образом, которые можно наблюдать непосредственно в изобразительном искусстве, литературных жанрах и стилях и других внешних проявлениях культуры. Анализ воплощенного образа будет немного отличаться от анализа образа сознания, хотя также может быть проведен по предлагаемой нами схеме.

Среди аспектов анализа образа сознания, отражающих его культурно-специфические черты, выделяются следующие:

1) **содержательные особенности** образа сознания, обусловленные различными факторами, как географическими и климатическими, так и общественно-политическими, социальными, философско-религиозными;

2) **структурное строение** образа сознания. Культура провоцирует задействование различных

составляющих образа (значение, чувственная ткань, личностный смысл, эмоция и т. д.);

3) **динамические характеристики построения образа сознания.** Акты сознания, связанные с построением образа, преобразованием, ассоциированием с другим образом, имеют культурно-генетические черты. Данный аспект анализа описывает обусловленные культурой стратегии продуцирования и динамику разворачивания образа сознания.

На наш взгляд, эти концепты — *культура работы сознания* и *культура образа* — способны быть категориями, обеспечивающими искомое целое исследование сознания. Необходимо проверить их работоспособность и отточить в практике конкретного эмпирического исследования, цель которого — сравнение и сопоставление культуры образа сознания двух конкретных культур в сознании носителей культуры и в феноменах культуры (изобразительное искусство, литература, поэзия и т. д.)

Нами было предпринято конкретное психологическое исследование на материале двух конкретных культур. **Объектом** исследования стали психологические аспекты взаимосвязи сознания и культуры. **Предметом** исследования — особенности образа сознания, обусловленные культурными различиями. **Целью** исследования была попытка проанализировать обусловленные культурой различия в структуре и способе организации образа сознания у представителей различных национальных культур. В качестве гипотезы исследования мы рассматривали положение о том, что образы индивидуального сознания у представителей различных культур значительно отличаются не только по содержанию, но и по способам построения и внутренней организации.

Выбор русской культуры в качестве одной из культур исследования очевиден. Выбор японской культуры сделан на тех основаниях, что культура Японии, во-первых, отличается от западных культур, во-вторых, она хорошо описана и изучена культурологами и искусствоведами. В России существуют давние традиции японоведения [16], между Россией и Японией увеличивается число экономических и культурных контактов. В японской психологии в последнее десятилетие возрос интерес к культурно-исторической психологии, и в частности к наследию Л. С. Выготского (А. Д. Палкин, 2004 [30]).

Метод

В качестве основной методике исследования нами использовалась модифицированная рисуночная

проективная методика «Пиктограммы»*. Исследование проводилось в трех странах, всего в нем приняли участие 120 человек: в *России* (Москва): 27 участников; возраст — от 26 до 35 лет; образование — высшее, язык — русский, проведен анализ 459 образов; в *Японии* (Киото, Токио): 21 участник исследования, возраст — от 26 до 35 лет; образование — высшее; язык — японский; проведен анализ 357 образов; в США (штаты Нью-Йорк, Колорадо, Калифорния): 72 участника исследования; из них 32 русских, 30 японцев и 10 американцев; возраст — от 20 до 50 лет; образование — высшее или незаконченное высшее, язык — английский. В исследовании, проведенном в США, участвовали русские и японские иммигранты, а также люди, временно пребывающие в США (срок их пребывания варьировал от 1 до 10 лет). Одним из условий исследования в США был факт рождения и получения среднего образования участниками в родной стране. Целью проведения основного исследования в США было решение задачи избежания ошибки стимула во время предъявления стимульных слов на разных языках — на данном этапе исследования слова для двух групп предъявлялись на английском языке.

Непосредственным объектом экспериментального исследования был образ сознания, порождаемый носителями той или иной культуры, каждый испытуемый в процессе исследования создал 17 образов, суммарно нами было проанализировано 2040 образов сознания, представленных пиктографически.

Результаты

При анализе полученных данных мы опирались на модель «Психосемиотического тетраэдра структуры образа сознания» (Василук, 1993) [4], представленную на рис. 1.

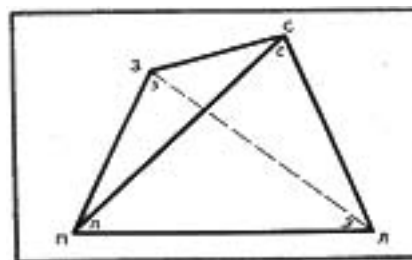

Рис. 1. Психосемиотический тетраэдр — модель образа сознания (по: [4])

П — предметное содержание образа; л — чувственная ткань предметного содержания; л — личностный смысл; з — (эмоция) — чувственная ткань личностного смысла; З — значение; з — чувственная ткань значения; С — слово или знак; с — чувственная ткань слова (знака), т — полюс тела (объяснение см. в тексте)

* Методика «Пиктограммы» состоит в словесном предъявлении испытуемым стимульных слов и выражений; экспериментатор просит запомнить их, для лучшего запоминания создав для каждого стимульного слова рисунок, который поможет вспомнить данные слова и выражения [23].

Автор модели выделяет в психосемиотическом тетраэдре 9 полюсов. Девятый полюс — полюс тела — помещается, согласно модели, в середине тетраэдра. Структура конкретного образа может тяготеть к разным полюсам, каждый раз изменяясь в зависимости от цели и задачи человека, а также от других особенностей: характерологических, культурных и т. д. Частое использование тех или иных полюсов свидетельствует об относительно устойчивой конфигурации структуры образа у данного человека или группы людей.

Анализ образа сознания мы проводили в структурном и динамическом аспектах. При анализе структуры образа сознания в каждом образе был выделен доминирующий полюс (т. е. тот, на который преимущественно направлено сознание испытуемого). В табл. 1 примеры объяснения испытуемых и описания рисунков, выполненных к методике «Пиктограммы», распределены по доминирующему полюсу психосемиотического тетраэдра.

Часто в образе сознания задействованы не один, а больше полюсов, так как составляющие образа сознания склонны к взаимопреобразованиям и трансформациям, но всегда можно выделить доминирующий полюс.

Для описания динамического, процессуального аспекта образотворения мы используем понятие «стратегии», характеризующее тип работы сознания. В исследовании предложена классификация стратегий работы сознания, в которой различные стратегии разделены на группы по основанию доминирующей направленности сознания. Вот описание некоторых из них.

Стратегии полюса значения

1. Стратегия *формирования понятия*, при которой испытуемый пытается сформулировать понятие, опираясь на его сущностное значение, может быть близка к научной.

2. Стратегия *псевдопонятия*, при которой испытуемым выделяется один или несколько несущественных признаков.

3. Стратегия *иллюстрирования*, сознание при которой хоть и обращается к предметному или ситуационному примеру, но все время возвращается к значению и проверяет, соответствует ли этот пример значению, т. е. здесь не происходит полного отождествления с предметом, предмет выступает как экземпляр.

Стратегии полюса предмета

1. Стратегия *конкретно-ситуативного отождествления*: предмет (или его свойства) подменяет понятие, происходит отождествление понятия с предметом.

2. Стратегия *метафоризации*, при которой происходит воображаемый скачок сознания и одно понятие описывается в терминах другого понятия или предмета.

3. Стратегия *предметного интуирования*, при которой предмет является пространством мысли: ассоциирование, воспоминание, смыслообразование, мышление происходит внутри предмета и через предмет (метонимическая стратегия).

Стратегии чувственной ткани полюсов

1. *Экспрессионистическая* стратегия: акцент делается на эмоциональном переживании, выражаемом различными экспрессивными средствами.

2. *Импрессионистическая* стратегия, при которой акцент смещается на переживание чувственной ткани предмета.

3. Стратегия *переживания чувственной ткани слова*, при которой сознание прежде всего ориентировано на переживание звуковых и визуальных характеристик слова.

4. Стратегия *пластического идеирования*, при которой происходит вчувствование в чувственную ткань значения и скорее переживание идеи, нежели ее осмысление.

Для наглядности приведем конкретные примеры и сопоставим между собой две стратегии (рис. 2, 3).

Таблица 1

Примеры образов, сконструированных исследователями и созданных испытуемыми в ответ на стимульное слово «веселый праздник», с некоторыми доминирующими полюсами

Доминирующий полюс психосемиотического тетраэдра	Объяснения участников исследования и интерпретация исследователей
Полюс предмета	«Ну, флаги какие-нибудь, шары». (Рисунок мог бы изображать флаг.)
Полюс чувственной ткани предмета	«Флаг колышется. Вот это колыхание для меня — веселый праздник». (Рисунок мог бы изобразить флаг и его колыхание, которое здесь более значимо, нежели сам предмет.)
Личностный смысл	«У меня есть флаги, всякий раз, когда наступает праздник, я их вывешиваю во дворе, моим детям это нравится». (Рисунок мог бы изображать флаги в конкретном дворе, детей автора рисунка, самого автора рисунка.)
Чувственная ткань личностного смысла (эмоция)	«Не терплю, когда в праздник взрывают все эти хлопушки, фейерверки, флаги вывешивают. Я расстраиваюсь, и праздник не праздник». (Здесь человека захлестывает эмоция, иллюстрацией к такому тексту могли бы быть энергично перечеркнутые флаги, хлопушки, сердитое выражение лица.)

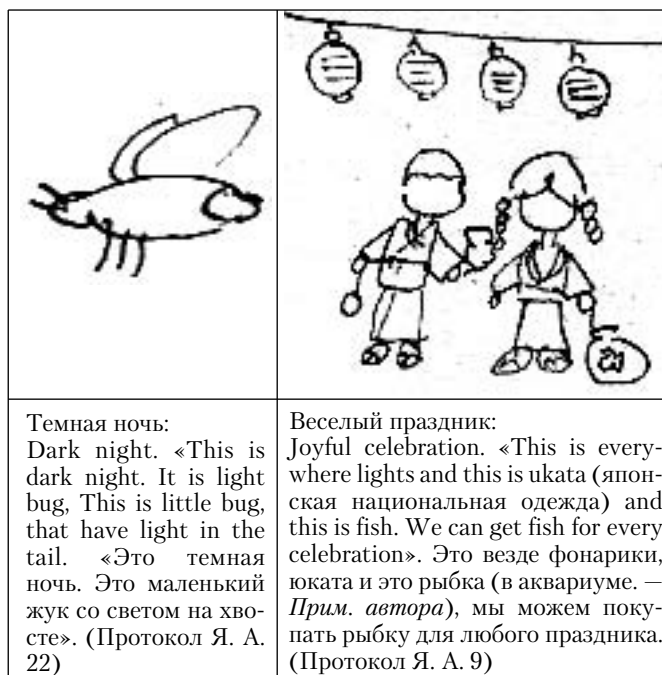

Рис. 2. Примеры стратегии предметной символизации (или предметно-чувственного интуирования) у японских участников

Слева: Здесь значение познается через предмет и в предмете. Часто встречаемая у японцев стратегия, когда предмет выбирается как репрезентатор понятия, значения и все понятие, значение как бы «упаковывается» в предмет.

Справа: Мы можем видеть, как стратегия предметной символизации сочетается со стратегией иллюстрирования или предметно-ситуационного иллюстрирования — понятие детально обрисовывается в его предметной реальности.

Рис. 3. Примеры стратегии пластического идеирования у русских участников

При данной стратегии доминирующий полюс — полюс чувственной ткани значения. Сознание испытуемого пытается проникнуть чувствами в идею, описать ее внутренний смысл, а не личностный, скорее всеобщий, но понятый и пережитый лично.

Слева: мы можем видеть наличие образов, описывающих предметную реальность (месяц, звезды),

но, как видно из описания, они не настолько важны, как лично пережитое ощущение глубины, стоящее на первом месте.

Справа: представлен образ, вообще лишенный всякой конкретики, сам испытуемый говорит об этом — это некая умозрительно переживаемая, но чувственная идея праздника. В образе можно усмотреть вспышки салюта, но сам испытуемый не говорит о салюте.

1. Результаты исследования содержательной части образа сознания и интерпретация особенностей рисуночной репрезентации образа сознания у русских и японцев.

Анализируя содержание рисунков, мы выделяли часто встречающиеся и стереотипные образы, создаваемые русскими и японскими участниками исследования в ответ на каждое стимульное слово. Вот некоторые примеры.

В ответ на стимульное слово «веселый праздник» (joyful celebration) 22,5 % русских участников исследования рисовали огни, вспышки салюта, искры; 15 % — рюмку или человека с рюмкой и шары. Только русские в Америке изображали торт и свечи (12,5 %). Также встречались изображения парада, накрытого стола, абстрактные рисунки — линии, расходящиеся во всех направлениях. Среди рисунков японцев 15 % составляют изображения микоси (праздничного паланкина, в котором по традиции обитает душа праздника), японских фонарей (12,5 %), людей в традиционных одеждах (10 %), барабанов тайко (10 %), торта со свечами (10 %). Встречались изображения караоке и рыбок в аквариуме.

В ответ на стимульное слово «развитие» (development) у русских мы встречаем изображения спирали в той или иной форме (17,5 %), стрелки вверх и вправо (15 %), лестницы и ступеньки (12,5 %), далее по частоте встречаемости следовали следующие изображения: ребенок, подросток, взрослый; графики; дорога. У японцев на первом месте (38,5 %) изображение высотных зданий и атрибутов технического прогресса (например, скоростного поезда — синкансена, мобильных телефонов, компьютеров), затем изображение растущего растения (12,5 %), также изображения лестницы и стрелок, направленных снизу вверх и справа налево (12,5 %).

В случае со словом «страх» (fear) у русских также наблюдалось большее единообразие — 22,5 % участников изображали искаженное страхом лицо человека, (образ, весьма напоминавший картину Т. Мунка «Крик»); примерно тот же процент (12,5 %) изображений составляли графические беспредметные изображения страха. Японцы в 20 % случаев рисовали привидение; зубастых зверей и раскрытые пасти — 12,5 %.

Рисуя «Семью» (family), 35 % русских участников исследования изобразили «классическую» картинку — мама, папа и ребенок; далее шли абстрактные изображения: круги или линии, расходящиеся из одного центра (12,5 %). Японские участники исследования изображали свою семью, конкретных людей (27,5 %), рисовали людей в доме и обязательно домашнего питомца — собаку или кошку (12,5 %).

2. Результаты анализа структурного строения образа сознания русских и японцев.

Участники исследования (русские и японцы) сравнивались между собой по процентному распределению образной ткани сознания между полюсами психосемиотического тетраэдра (П, п, З, з, С, с, Л, э, т). Нами были приняты следующие условные обозначения: Р — все русские участники исследования, Я — все японские участники исследования Р^А — подгруппа русских участников исследования на территории США, Я^А — подгруппа японских участников исследования на территории США, Р^Р — подгруппа русских участников исследования в России, Я^Я — подгруппа японских участников исследования в Японии. Результаты сравнения приведены в табл. 2.

Данные всего исследования (рис. 4) выявили яркие отличия в образном кодировании у русских и японцев по двум полюсам — полюсу предмета (39,5 % у японцев и 16,7 % у русских) и полюсу чувственной ткани значения (15,8 % у русских и 3,4 % у японцев).

Исследование, проведенное в США, еще ярче продемонстрировало отличия по выделенным ранее параметрам (рис. 5).

На рис. 6 представлены два примера рисунков и комментариев, характерных для групп русских и японских участников исследования.

3. Результаты исследования динамических аспектов образообразования. Анализ стратегий построения образа у русских и японцев.

1. Основное отличие в стратегиях продуцирования образа у русских и японцев — это явное превалирование у русских стратегии «пластического идеирования». При такой стратегии сознание направляется на полюс значения, но не объективно-научного, а субъективно переживаемого значения, «значения для себя» (см. примеры на рис. 3).

2. У японцев доминирующей стратегией построения образа была стратегия «предметного интуирования». При такой стратегии предмет становится не примером, экземпляром какой-то идеи и даже не метафорой, которая пластически или символически выражает идею, а превращается в микромир, в котором разворачивается ассоциативный и интуитивный поток мыслей субъекта. В сознании как бы останавливается один кадр из целой жизни («кадровость японского восприятия», Г. Д. Главеева [10]). Сам предмет используется пространством мысли, кон-

Таблица 2
Распределение образной ткани по полюсам тетраэдра в группах участников (%)

Группы участников исследования	Полюса тетраэдра								
	П*	п	З	з*	С	с	Л	э	т
Группа Р	16,7	9,4	3,3	15,8	20,6	0,36	13,3	5,3	9,7
Группа Я	39,5	9,17	2,7	3,46	13,47	0,13	14,7	5,9	10,9
Группа Р ^А	19,5	10,08	5,23	13,84	22,83	0,73	12,5	5,61	9,43
Группа Я ^А	40,65	8,69	3,03	2,34	13,26	0	16,3	8,84	6,83
Группа Р ^Р	13,87	8,83	1,51	17,91	18,5	0	14,1	5,06	10,13
Группа Я ^Я	38,45	9,6	2,43	4,57	13,69	0,27	13,23	3,05	15,07

*Значимые различия ($\alpha < 0,05$) зафиксированы с помощью критерия Манна–Уитни по полюсу предмета (П) и полюсу чувственной ткани значения (з) во всех группах.

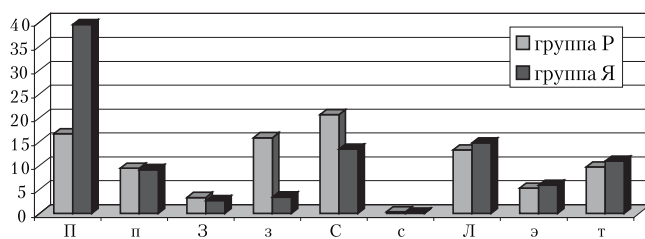

Рис. 4. Распределение образной ткани по полюсам психосемиотического тетраэдра в группах Р и Я (%)

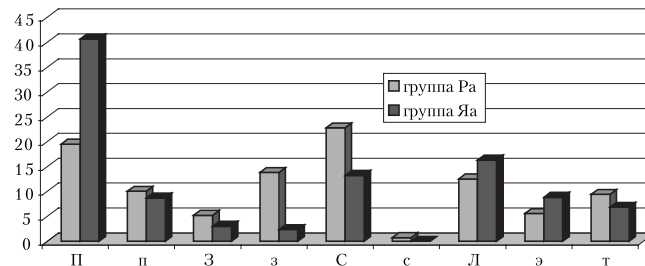

Рис. 5. Распределение образной ткани между полюсами психосемиотического тетраэдра в группах Р^А и Я^А (%)

Таблица 3

Русские	Японцы
«Развитие — это какое-то движение, стремительное, извилистое». (Протокол Р. Р. 4)	Развитие в науке и технике. Это высокая башня и водитель-робот, человеку не надо вести машину. (Протокол Я. А. 13)

Рис. 6. Наиболее характерные рисунки и объяснения испытуемых в ответ на стимульное слово «развитие»

кретный предмет выступает «контейнером» для упакованных в него смыслов (см. рис. 2).

Также одной из частей исследования был психологический анализ некоторых феноменов японской и русской культуры, частично объясняющих и подтверждающих наблюдаемую культуру образа в обыденном сознании участников исследования. Тяготение образной ткани к полюсу предмета у японцев может быть объяснено традиционно воспитываемым в этой культуре вниманием к предметному миру, берущим свое начало в синтоистском взгляде на мир. В свою очередь, русские, при отсутствии специального воспитания внимательности к внешнему предметному миру и более ярко выраженному противопоставлению духовного и материального, делают акцент на область субъективно-чувственно переживаемых значений.

Доминирующая направленность русского сознания на мир чувственно воспринимаемых идей выразилась в русской поэзии (О. Мандельштам [28], А. Ахматова и др.) и русской философии (Н. А. Бердяев, В. Соловьев, Л. Шестов, С. Л. Франк, Н. О. Лосский [13], отец Павел Флоренский [37] и др.), делающей акцент прежде всего на субъективном и интуитивном постижении мира идей. В изобразительном искусстве эти тенденции проявились в получившей развитие беспредметной живописи (В. В. Кандинский, К. С. Малевич, П. Н. Филонов и др.), отображающей «метафизику Вселенной» на уровне чувственно воспринимаемых идей [26].

Доминирующая направленность японского сознания, выраженная в интровертированном взгляде на предмет, находящийся в ближайшем окружении (А. Н. Мещеряков [15]), проявилась в особенностях японской поэзии (хайку, танка), где предмет и его эстетическое постижение играет ключевую роль. В отдельных специфически японских изобразительных жанрах (гравюра, манга, декоративное искусство) прослеживается внимание к мелочам и предметная детализация, в произведениях японских современных художников (Фукуда Хейяширо, Тадзима Хироюки, Сейхино Дзюнитиро [48] и др.) абстрактный сюжет укоренен в предметном мире.

Заключение

1. На данном этапе развития культурно-исторического подхода общая психология может основную свою проблематику сформулировать диалектически как познание культуры через сознание и сознания через культуру.

2. *Культура работы сознания* есть сложившиеся в данной культуре и ставшие для ее носителей характерными способы структурной организации и динамического протекания психических процессов, проявляющиеся как в повседневных актах сознания, так и в произведениях искусства, философских сочинениях, ремесленных изделиях, словом, во всех продуктах культуры, если их рассматривать с психологической точки зрения.

3. Способы построения образа (*культура образа*) сознания у разных народов отличаются по следующим параметрам: структурному — строение образа с опорой на различные его составляющие, динамическому — стратегии построения образа, фиксирующие тип работы сознания, и содержательному — наличие специфических культурных содержаний в образе сознания.

4. Модель «психосемиотического тетраэдра структуры образа сознания» обладает дифференцирующими возможностями, позволяющими экспериментально фиксировать существенные отличия в строении образа сознания у представителей разных культур.

5. Русская культура способствует построению образа сознания преимущественно с опорой на чувственно-субъективно воспринимаемый мир значений, японская культура способствует образному кодированию преимущественно с активным участием предметного мира.

6. Наиболее частой стратегией построения образа сознания представителей японской культуры является *предметное интуирование*, при которой предмет пропитывается оттенками смыслов и чувств, выступая хранителем информации и ключом к пониманию понятия. Наиболее часто встречающейся стратегией построения образа сознания представителей русской культуры является *пластическое идеирование*, при которой происходит субъективное вчувствование в мир значений.

Итак, логика нашего подхода, продолжая и развивая логику культурно-исторической психологии, предлагает две исследовательские подпрограммы: с одной стороны — это исследование сознания через культуру, в основе которой будут стоять ответы на вопрос о том, каково влияние культуры на индивидуальное сознание. В прикладном значении сюда могут быть отнесены исследования на основе мультикультуральных обществ, исследования изменений конфигурации и работы сознания под воздействием иммиграции, изучения другой культуры, изучения кросс-культурных браков и детей, рожденных от представителей различных культур и др. Исследование подобного исследовательского материала на уровне молекулы сознания — образа сознания — может дать более детальные сведения о строении и процессах сознания.

Вторая исследовательская подпрограмма — это изучение культуры через сознание. Данный подход может снабдить исследователей культуры достаточно тонким инструментом, способным учитывать одновременно различные составляющие культуры — языковые, предметные и т. д. Инструмент позволяет как анализировать психические процессы, зафиксированные в произведениях искусства, так и исследовать носителей обыденного сознания представителей той или иной культуры. Подобные исследования могут зафиксировать конфигурацию сознания исчезающих культур и народностей, а также зафиксировать изменения в сознании представителей традиционных обществ под воздействием глобализации.

Литература

1. *Абаев Н. В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. М., 1989.
2. *Барт Р.* Империя знаков. М., 2004.
3. *Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
4. *Василюк Ф. Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5.
5. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М., 2001.
6. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 1912.
7. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 2005.
8. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1998.
9. *Гешвинд Н.* Специализация человеческого мозга // Мозг. М., 1982.
10. *Главеева Д. Г.* Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М., 2003.
11. *Гроф С.* За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 2005.
12. *Джеймс У.* Научные основы психологии. М., 2003.
13. *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 1991.
14. *Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
15. Книга японских обыкновений / Сост. А. Н. Мещеряков. М., 1999.
16. *Корнилов М. И.* Японская национальная психология. М., 1981.
17. *Коул М.* Культурно-историческая психология. М., 1997.
18. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
19. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учебное пособие. М., 1999.
20. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
21. *Леонтьев А. Н.* Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
22. *Леонтьев Д. А.* Личностный смысл и трансформация психического образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1988. № 2.
23. *Лонгинова С. В.* Исследование патологии мышления методом пиктограмм: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1972.
24. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 1990.
25. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
26. Малая история искусств. Искусство XX века. 1901—1945. М., 1991.
27. *Мамардашвили М.* Символ и сознание (Язык—семиотика—культура). М., 1999.
28. *Мандельштам О.* Отклик неба. Алма-Ата, 1989.
29. *Минделл А.* Сила безмолвия. Как симптомы обогащают жизнь. М., 2003.
30. *Палкин А. Д.* Звезда, восходящая в Японии. Л. С. Выготский в работах японских ученых. М., 2004.
31. *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
32. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
33. *Прибрам К.* Языки мозга. М., 1975.
34. *Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
35. *Сидорова В. В.* Особенности построения мысленного образа у русских и японцев (психологическое исследование) // Россия и Япония: Диалог культур и народов: Материалы международного симпозиума (Москва, 10—11 сентября 2003). М., 2004.
36. *Уилбер К.* Око духа. М., 2002.
37. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
38. *Фрумкина Р. М.* Культурно-историческая психология Выготского—Лурии. М., 1999.
39. *Хант Г.* О природе сознания. М., 2004.
40. *Goguen J. A.* (ed.) Art and the Brain Journal of Consciousness Studies, 6 (6/7), 1999.
41. *Krippner S et. al.* Dreamtime & Dreamwork. Los Angeles, 1997.
42. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We live By. Chicago, 1980.
43. *McNiff S.* Fundamentals of art therapy. Springfield, IL, 1988.
44. *Nisbett R. E.* The geography of thought. How Asians and Westerners Think Differently ...and Why. N. Y., 2003.
45. *Osgood C. E., May W. H., Miron M. S.* Cross-cultural Universals of Affective Meaning. Urbana, 1975.
46. *Searle J. R.* Mind, language and society: philosophy in real world. N. Y., 1999.
47. *Segal M. N., Dasen P. R., Berry J. W., Poortinga Y. H.* Human behavior in global perspective. An introduction to Cross-cultural psychology. N. Y., 1990.
48. Современная живопись Японии. Школа Нихонга. Токио, 1976.

The Culture of the Image (the Cultural Determination of the Image of Consciousness by the Example of Russian and Japanese Cultures)

V. V. Sidorova

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Psychological Counseling, Moscow State University of Psychology and Education

The methodological, theoretical and innovative empirical approaches to the question of cultural determination of the image of consciousness from the L. S. Vygotsky–A. N. Leontiev–A. R. Luria psychological school's perspective are described. We introduce several new concepts, among which are «culture of an image», «the strategy of constructing an image of consciousness» and others. The empirical study of culturally determined organization of the image of consciousness is presented, conducted in Russian and Japanese cultures. The dependence of the content, structure and methods of constructing the image of consciousness from the nationality of the participant was shown. The strategies of constructing an image of consciousness that are dominant in the Russian and Japanese cultures are described. The findings indicate that the Russian culture promotes constructing an image of consciousness mainly based on subjectively perceived world of meanings, and the Japanese culture supports the figurative coding predominantly with the active participation of the world of objects.

Keywords: culture, consciousness, image, image structure, culture of an image, the strategy of constructing an image of consciousness.

References

1. *Abaev N. V.* Chan'-buddizm i kul'turno-psihologicheskie tradicii v srednevekovom Kitae. M., 1989.
2. *Bart R.* Imperiya znakov. M., 2004.
3. *Vasilyuk F. E.* Metodologicheskii analiz v psihologii. M., 2003.
4. *Vasilyuk F. E.* Struktura obraza // *Voprosy psihologii.* 1993. № 5.
5. *Vezhbickaya A.* Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov / Per s angl. A. D. Shmeleva. M., 2001.
6. *Vundt V.* Problemy psihologii narodov. M., 1912.
7. *Vygotskii L. S.* Myshlenie i rech'. M., 2005.
8. *Vygotskii L. S.* Psihologiya iskusstva. M., 1998.
9. *Geshvind N.* Specializaciya chelovecheskogo mozga // *Mozg.* M., 1982.
10. *Glaveeva D. G.* Tradicionnaya yaponskaya kul'tura: Specifika mirovospriyatiya. M., 2003.
11. *Grof S.* Za predelami mozga. Rozhdenie, smert' i transcendenciya v psihoterapii. M., 2005.
12. *Dzheims U.* Nauchnye osnovy psihologii. M., 2003.
13. *Zen'kovskii V. V.* Istoriya russkoi filosofii. M., 1991.
14. *Zinchenko V. P.* Miry soznaniya i struktura soznaniya // *Voprosy psihologii.* 1991. № 2.
15. *Kniga yaponskih obyknovenii* / Sost. A. N. Meshchakov. M., 1999.
16. *Kornilov M. I.* Yaponskaya nacional'naya psihologiya. M., 1981.
17. *Koul M.* Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. M., 1997.
18. *Koul M., Skribner S.* Kul'tura i myshlenie. M., 1977.
19. *Lebedeva N. M.* Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psihologiyu: Uchebnoe posobie. M., 1999.
20. *Levi-Stross K.* Pervobytnoe myshlenie. M., 1994.
21. *Leont'ev A. N.* Psihologiya obraza // *Vestn. Mosk. un-ta.* Ser. 14. Psihologiya. 1979. № 2.
22. *Leont'ev D. A.* Lichnostnyi smysl i transformaciya psihicheskogo obraza // *Vestn. Mosk. un-ta.* Ser. 14. Psihologiya. 1988. № 2.
23. *Longinova S. V.* Issledovanie patologii myshleniya metodom piktogramm: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1972.
24. *Losev A. F.* Dialektika mifa. M., 1990.
25. *Luriya A. R.* Yazyk i soznanie. M., 1979.
26. *Malaya istoriya iskusstv. Iskusstvo XX veka. 1901–1945.* M., 1991.
27. *Mamardashvili M.* Simvol i soznanie (Yazyk– semiotika–kul'tura). M., 1999.
28. *Mandel'shtam O.* Otklik neba. Alma-Ata, 1989.
29. *Mindell A.* Sila bezmolviya. Kak simptom obo-gashayut zhizn'. M., 2003.
30. *Palkin A. D.* Zvezda, voshodyashaya v Yaponii. L. S. Vygotskii v rabotah yaponskih uchenykh. M., 2004.
31. *Petrenko V. F.* Vvedenie v eksperimental'nyu psihosemantiku: issledovanie form reprezentacii v obydennom soznanii. M., 1983.
32. *Petrenko V. F.* Psihosemantika soznaniya. M., 1988.
33. *Pribram K.* Yazyki mozga. M., 1975.
34. *Smimov S. D.* Psihologiya obraza: problema aktivnosti psihicheskogo otrazheniya. M., 1985.
35. *Sidorova V. V.* Osobennosti postroeniya myslennogo obraza u russkikh i yaponcev (psihologicheskoe issledovanie) // *Rossiya i Yaponiya: Dialog kul'tur i narodov: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 10–11 sentyabrya 2003 goda).* M., 2004.
36. *Uilber K.* Oko duha. M., 2002.

37. *Florenskii P. A.* Stolp i utverzhdenie istiny: V 2 t. T. 1. M., 1990.
38. *Frumkina R. M.* Kul'turno-istoricheskaya psihologiya Vygotskogo—Lurii. M., 1999.
39. *Hant G.* O prirode soznaniya. M., 2004.
40. *Goguen J. A.* (ed.) Art and the Brain Journal of Consciousness Studies, 6 (6/7), 1999.
41. *Krippner S* et. al. Dreamtime & Dreamwork. Los Angeles, 1997.
42. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We live By. Chicago, 1980.
43. *McNiff S.* Fundamentals of art therapy. Springfield, IL, 1988.
44. *Nisbett R. E.* The geography of thought. How Asians and Westerners Think Differently ...and Why. N. Y., 2003.
45. *Osgood C. E., May W. H., Miron M. S.* Cross-cultural Universals of Affective Meaning. Urbana, 1975.
46. *Searle J. R.* Mind, language and society: philosophy in real world. N. Y., 1999.
47. *Segal M. N., Dasen P. R., Berry J. W., Poortinga Y. H.* Human behavior in global perspective. An introduction to Cross-cultural psychology. N. Y., 1990.
48. Sovremennaya zhivopis' Yaponii. Shkola Nichonga. Tokio, 1976.